

СВЯТОЙ ПРЕПОДОБНЫЙ
СЕРГИЙ
РАДОНЕЖСКИЙ

Великий чудотворец земли Русской
Защита от любых жизненных проблем
Исцеление больных
Помощь в учебе

**Святой преподобный Сергей
Радонежский. Великий чудотворец
земли Русской. Защита от любых
жизненных проблем, исцеление
больных, помощь в учебе**

«Центрполиграф»

2016

УДК 243
ББК 86.372

Святой преподобный Сергей Радонежский. Великий чудотворец земли Русской. Защита от любых жизненных проблем, исцеление больных, помощь в учебе / «Центрполиграф», 2016

ISBN 978-5-227-06882-8

Значение личности преподобного Сергея Радонежского трудно переоценить. Это был великий подвижник церкви, заступник и воспитатель русского народа, заложивший фундамент русской культуры, основой которой является прилежное учение и стремление к познанию. Сергей Радонежский всегда слышит вашу искреннюю молитву, где бы вы ни находились и какие бы трудности ни испытывали! Обращение к этому святому помогает в судебных делах, и если вы честны и дело ваше праведное, то смело просите чудотворца, и он защитит от обидчиков и судебных ошибок. Будучи при жизни образцом смирения, помогает этот божий угодник в обретении смирения и укрощении гордыни. Просят его об исцелении от самых тяжелых недугов, о благополучном замужестве, о вразумлении заблудших и даже об открытии водных источников... Обращайтесь к преподобному и увидите: помощь придет обязательно! Перед его иконой просят защитить детей от неудач в учебе и дурного влияния, молят о помощи в любых жизненных проблемах, в частности, о защите вдов и детей, оставшихся без попечения. Сергей Радонежский – один из могущественных покровителей столицы России, его просят защитить Первопрестольную от всяческих неурядиц и о благословении Москвы, а значит, и всего нашего великого государства.

УДК 243
ББК 86.372

ISBN 978-5-227-06882-8

, 2016

© Центрполиграф, 2016

Содержание

Предисловие	6
Личность и деяния преподобного Сергея Радонежского	8
Житие Сергея Радонежского, написанное Епифанием Премудрым	15
Начало жития Сергея	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Святой преподобный Сергей Радонежский. Великий чудотворец земли Русской. Защита от любых жизненных проблем, исцеление больных, помощь в учебе Составитель А.Ю. Мудрова

Предисловие

Сергий Радонежский жил в XIV веке. Он вошел в историю Руси как собиратель русского народа, с которым связаны культурный идеал Святой Руси и возникновение русской духовной культуры.

Одним из его подвигов был нравственный подвиг самовоспитания. Ему было 23 года, когда он остался «един в пустыни безмолвствовать и единствовать» и провел в полном уединении около двух лет. Это было для него тяжелое время самоиспытания. Подобно многим другим подвижникам древней Руси, Сергей перенес нравственную борьбу, олицетворяемую в агиографии борьбой с темной силой демонских наваждений и козней. Слух о новом подвижнике скоро распространился, и к Сергию стали приходить монахи, желавшие разделить с ним подвиг пустынножительства. Скоро собралось двенадцать человек братии, и кругом церкви сгруппировались тринадцать келий, обнесенных тыном «не зело пространнейшим». Так возникла знаменитая Троицкая обитель. Трудолюбие иноков не всегда обеспечивало им кусок хлеба, и иногда им случалось голодать по несколько дней, пока приношение какого-нибудь христороубца не выручало их из беды. Но Сергей строго запрещал братии ходить за милостыней и позволял принимать лишь то подаяние, которое приносилось в монастырь самими благочестивыми людьми. Весь обиход монастыря был скуден до нищеты. По мере того как росла слава монастыря и его великого игумена, милостыня и подаяния, сначала только спасавшие братию от голода, стали сменяться крупными вкладами и пожертвованиями. По обычаю, крепко укоренившемуся в древнерусском обществе, обращение к монастырю, как посреднику в деле душевного спасения, за молитвой и поминовением всегда сопровождалось большими или малыми денежными и земельными вкладами.

Преподобный Сергей, считает историк Ключевский, посвятил свою жизнь нравственному воспитанию народа. Историк отмечает, что «политическая крепость прочна только тогда, когда держится на силе нравственной». Нравственное влияние преподобного Сергея, по мысли Ключевского, обусловило два факта, которые вошли в число основ русской государственности: 1) народ преодолел страх перед завоевателями и вышел на Куликовскую битву; 2) «дружными усилиями монаха и крестьянина» создалась верхневолжская Великороссия. Его влияние распространилось по всей северо-восточной Руси, повсюду зажигая благодатный огонек духовной жизни и разливая свет христианского просвещения.

Влияние преподобного Сергея способствовало формированию общежительства в русских монастырях, а основанная преподобным Троицкая обитель стала основанием и корнем великого древа монашества.

Своим нравственным авторитетом Сергей послужил также политическим успехам Московского государства в княжение великого князя Дмитрия Ивановича Донского. В это время Московское государство, оканчивая тяжкую борьбу за существование, впервые вступало на путь широких национальных предприятий, и московский князь из вотчинника превращался в

национального государя, вождя северной Руси в борьбе за политическую независимость. В это же время совершался перелом и в национальном самосознании. Поколения, возраставшие под свежими воспоминаниями первых времен татарского ига, угнетаемые мыслью о кончине мира, о гибели Русской земли, сменялись новыми, приносившими более бодрости и уверенности в себе, державшими на открытую борьбу с врагом, перед которым трепетали старые поколения.

Важнейшее по своим нравственным последствиям событие XIV века, Куликовская победа 1380 года, приписывалась современниками молитвам Сергея. Отслужив напутственный молебен и упросив великого князя разделить братскую трапезу, Сергей вдохнул в него мужество предсказанием победы, хотя ценою тяжелых потерь. В самый день сражения, 8 сентября, Сергей прислал Дмитрию в благословение Богородичную просфору и грамоту, конец которой сохранен одной летописью: «чтобы ты, господине, так пошел, а поможет ти Бог и Троица». После победы великий князь не замедлил явиться в Троицкий монастырь и щедро одарил его; во исполнение же обета, при помощи Сергея, построил Успенский Дубенский монастырь.

Сергий достиг глубокой старости. За шесть месяцев до кончины он передал игуменство ученику своему Никону, а сам предался совершенному безмолвию. Кончина его последовала, после продолжительной болезни в 1392 году. Житие преподобного Сергея написано спустя 26 лет после его кончины учеником его, Епифанием Премудрым. В 1448 или 1449 году Сергей был причислен митрополитом Ионою к лику всероссийских святых. В 1463 году поставлена первая известная церковь во имя преподобного Сергея Радонежского в Новгороде, на владычном дворе. 25 сентября 1892 года по всей России торжественно праздновалось пятисотлетие дня его кончины.

Дни памяти: 4 сентября (переходящая) – Собор Московских святых, 5 июня – Собор Ростово-Ярославских святых, 6 июля – Собор Владимирских святых, 18 июля – Обречение честных мощей, 19 июля – Собор Радонежских святых, 8 октября – Преставление.

Личность и деяния преподобного Сергия Радонежского

В первой половине XIV века возникла знаменитая Троице-Сергиева лавра. Основатель ее, преподобный Сергей (в миру Варфоломей), был сыном ростовских бояр Кириллы и Марии, переселившихся ближе к Москве в селение Радонеж. В семилетнем возрасте Варфоломея отдали учиться грамоте. Он всей душой жаждал учения, но грамота не давалась ему. Скорбя об этом, он днем и ночью молил Господа открыть ему дверь книжного разумения. Однажды, ища в поле пропавших лошадей, он увидел под дубом незнакомого старца-черноризца. Монах молился. Отрок подошел к нему и поведал свою скорбь. Сочувственно выслушав мальчика, старец начал молиться о его просвещении. Затем, достав ковчежец, вынул малую частицу просфоры и, благословив ею Варфоломея, сказал: «Возьми, чадо, и съешь: сие дается тебе в знамение благодати Божией и разумения Священного Писания». Благодать эта действительно сошла на отрока: Господь дал ему память и разумение, и отрок стал легко усваивать книжную мудрость. После этого чуда в юном Варфоломее еще более окрепло желание служить только Богу. Ему хотелось уединиться по примеру древних подвижников, но любовь к родителям удерживала его в родной семье. Варфоломей был скромн, тих и молчалив, со всеми был кроток и ласков, никогда не раздражался и обнаруживал совершенное повиновение родителям. Обыкновенно он вкушал только хлеб и воду, а в постные дни совершенно воздерживался от пищи. После смерти родителей Варфоломей предоставил наследство своему младшему брату Петру и вместе со старшим братом Стефаном поселился в 10 верстах от Радонежа, в глубоком лесу около речки Кончуры. Братья рубили лес своими руками и построили келию и малую церковь. Эту церковь священник, посланный митрополитом Феогностом, освятил в честь Святой Троицы. Так возникла знаменитая обитель преподобного Сергия.

Вскоре Стефан оставил своего брата и стал настоятелем Богоявленского монастыря в Москве и духовником великого князя. Варфоломей же, постриженный в монашестве с именем Сергей, около двух лет подвизался один в лесу. Нельзя и представить, сколько искушений перенес в это время юный монах, но терпение и молитва преодолели все трудности и диавольские напасти. Мимо келии преподобного Сергия целыми стаями пробегали волки, приходили и медведи, но ни один из них не причинял ему вреда. Однажды святой пустынник дал хлеба пришедшему к его келии медведю, и с тех пор зверь стал постоянно навещать преподобного Сергия, который делил с ним свой последний кусок хлеба.

Как ни старался святой Сергей скрывать свои подвиги, слава о них распространилась и привлекла к нему других иноков, желавших спастись под его руководством. Они стали просить Сергия принять сан священника и игумена. Сергей долгое время не соглашался, но, видя в их неотступной просьбе призвание свыше, сказал: «Желал бы лучше повиноваться, чем начальствовать, но страшусь суда Божия и предаю себя в волю Господню». Это было в 1354 году, когда святитель Алексей вступил на кафедру московского митрополита.

Жизнь и труды преподобного Сергия в истории русского монашества имеют особое значение, потому что он положил начало жизни пустынников, устроив вне города обитель с общинножитием. Устроенная на новых началах обитель Святой Троицы сначала во всем терпела крайнюю скудость; ризы были из простой крашенины, священные сосуды были деревянные, в храме вместо свечей светила лучина, но подвижники горели усердием. Святой Сергей подавал братии пример строжайшего воздержания, глубочайшего смирения и непоколебимого упования на помощь Божию. В трудах и подвигах он шел первым, а братия следовала за ним.

Однажды в обители совсем истощился запас хлеба. Сам игумен, чтобы заработать несколько кусков хлеба, собственноручно построил сени в келии одного брата. Но в час

крайней нужды по молитвам братии неожиданно подавалась обители щедрая помощь. Через несколько лет после основания обители около нее стали селиться крестьяне. Невдалеке от нее шла большая дорога к Москве и на север, благодаря чему средства обители стали возрастать, и она по примеру Киево-Печерской лавры стала щедро раздавать милостыню и принимать на свое попечение больных и странников.

Слух о святом Сергии достиг Константинополя, и патриарх Филофей прислал ему свое благословение и грамоту, которой утверждались новые порядки пустынного общиножития, заведенные основателем Свято-Троицкой обители. Митрополит Алексей любил преподобного Сергия как друга, поручил ему примирять враждовавших князей, возлагал на него важные полномочия и готовил себе в преемники. Но Сергей отказался от этого избрания.

Однажды митрополит Алексей хотел возложить на него золотой крест в награду за труды, но Сергей сказал: «От юности своей я не носил на себе золото, в старости же тем более хочу пребыть в нищете» – и решительно отклонил от себя эту почесть.

Великий князь Димитрий Иванович, прозванный Донским, чтит преподобного Сергия как отца и просил у него благословения на борьбу с татарским ханом Мамаем. «Иди, иди смело, князь, и надейся на помощь Божию», – сказал ему святой старец и дал ему в сподвижники двух своих иноков: Пересвета и Ослябю, которые пали героями в Куликовской битве.

Еще при жизни преподобный Сергей совершал чудеса и удостаивался великих откровений. Один раз явилась ему в дивном величии Матерь Божия с апостолами Петром и Иоанном и обещала покровительство его обители. В другой раз он видел необыкновенный свет и множество птиц, оглашавших воздух благозвучным пением, и получил откровение, что множество иноков соберется в его обители. Через 30 лет после его блаженной кончины (25 сентября 1392 года) открылись его святые мощи.

Однажды, глубокой ночью, преподобный Сергей читал акафист Божией Матери. Совершив обычное правило, он сел немного отдохнуть, но вдруг сказал своему келейнику, преподобному Михею († 6 мая 1385): «Бодрствуй, чадо, мы будем иметь чудное посещение». Едва он произнес эти слова, как был услышан голос: «Пречистая грядет». Преподобный Сергей поспешил из келии в сени, и внезапно его осиял яркий свет, сильнее солнечного. Он увидел блистающую в неизреченной славе Божию Матерь, сопровождаемую апостолами Петром и Иоанном. Не в силах вынести чудного света, преподобный Сергей благоговейно склонился перед Божией Матерью, и Она сказала ему: «Не бойся, избранниче Мой! Я пришла посетить тебя. Не скорби более об учениках своих и об этом месте. Молитва твоя услышана. Отныне всем будет изобиловать твое жительство, и не только в дни твоей жизни, но и после твоего отшествия к Богу неотступно буду от твоей обители, подавая ей неоскудно все потребное и покрывая ее во всех нуждах». Сказав это, Божия Матерь стала невидима. Долго преподобный Сергей был в неизреченном восхищении, а, придя в себя, поднял преподобного Михея. «Скажи мне, отче, – спросил келейник, – что это было за чудесное видение? от ужаса душа моя едва не разлучилась от тела!» Но преподобный Сергей молчал; только его светившееся лицо говорило о той духовной радости, которую переживал святой. «Погоди немного, – наконец промолвил он ученику, – пока успокоится дух мой от чудного видения». Через некоторое время преподобный Сергей призвал двух своих учеников, преподобных Исаакия и Симона, и сообщил им общую радость и надежду. Все вместе они совершили молебное пение Божией Матери. Остальную часть ночи преподобный Сергей провел без сна, внимая умом Божественному видению. Явление Божией Матери в келии преподобного Сергия, на месте нынешней Серапионовой палаты, было в одну из пятниц Рождественского поста 1385 года. Память о посещении Божией Матерью Троицкой обители и Ее обетовании свято хранилась учениками преподобного Сергия. 5 июля 1422 года были обретены его святые мощи, и вскоре на гробе преподобного Сергия была поставлена икона явления Божией Матери. Икона чтилась как великая святыня. В 1446 году великий князь Василий Васильевич (1425–1462) был захвачен в Троицком монастыре

войсками князей Димитрия Шемяки и Иоанна Можайского. Он заперся в Троицком соборе, а когда услышал, что его ищут, взял икону явления Божией Матери и с ней встретил князя Иоанна в южных церковных дверях, говоря: «Брат, мы целовали Животворящий Крест и эту икону в этой церкви Живоначальной Троицы у этого же гроба чудотворца Сергея, чтобы нам не мыслить и не желать никому от братии между собой никакого зла; а вот сейчас не знаю, что сбудется надо мной». Троицкий инок Амвросий (середина XV века) воспроизвел икону явления Божией Матери преподобному Сергию в резьбе по дереву.

Царь Иоанн Грозный брал икону явления Божией Матери в казанский поход в 1552 году. Наиболее известна икона, написанная в 1588 году келарем Троице-Сергиевой лавры Евстафием Головкиным на доске от деревянной раки преподобного Сергея, которая была разобрана в 1585 году в связи с переложением мощей преподобного Сергея в серебряную раку. Неоднократно Матерь Божия через эту чудотворную икону охраняла русские войска. Царь Алексей Михайлович (1645–1676) брал ее в польский поход в 1657 году. В 1703 году икона участвовала во всех походах войны со шведским королем Карлом XII, а в 1812 году митрополит Платон послал ее московскому ополчению. Икона участвовала в русско-японской войне 1905 года и во время Первой мировой войны была в Ставке верховного главнокомандующего в 1914 году.

Над гробом преподобного Михея была построена церковь и наименована при освящении 10 декабря 1734 года в честь явления Пресвятой Богородицы со святыми апостолами преподобному отцу Сергию Радонежскому. 27 сентября 1841 года храм был возобновлен и освящен Московским митрополитом Филаретом, который сказал: «Благодатию Всесвятого и Всеосвящающего Духа совершилось ныне обновление этого храма, созданного прежде нас в честь и память явления Пресвятой Владычицы нашей Богородицы преподобному и богоносному отцу нашему Сергию, чему очевидным свидетелем был и преподобный Михей, во благоухании святых здесь почивающий. Праведно было память этого благодатного события почтить освященным храмом, хотя, впрочем, вся обитель эта есть памятник этого чудного посещения. Потому что вся судьба ее в продолжении веков есть исполнение обетования Небесной Посетительницы: «Неотступна буду от этого места». В память посещения Божией Матери в Троицком соборе Троице-Сергиевой лавры по пятницам читается акафист Пресвятой Богородице, а особая служба в честь явления Божией Матери совершается в обители 24 августа, на второй день отдания праздника Успения Пресвятой Богородицы.

Мощи преподобного Сергея были обреты 5 июля 1422 года при преподобном игумене Никоне. В 1408 году, когда Москва и ее окрестности подверглись нашествию татарских орд Едигея, Троицкая обитель была опустошена и сожжена, иноки во главе с игуменом Никоном укрылись в лесах, сохранив иконы, священные сосуды, книги и другие святыни, связанные с памятью преподобного Сергея. В ночном видении накануне татарского набега преподобный Сергей известил своего ученика и преемника о грядущих испытаниях и предрек в утешение, что искушение будет непродолжительно и святая обитель, восстав из пепла, процветет и еще более возрастет. Митрополит Филарет писал об этом в «Житии преподобного Сергея»: «По подобию того, как подобало пострадать Христу, и чрез крест и смерть войти в славу Воскресения, так и всему, что Христом благословляется на долготу дней и славу, надобно испытать свой крест и свою смерть». Пройдя через огненное очищение, воскресла в долготу дней обитель Живоначальной Троицы, восстал и сам преподобный Сергей, чтобы уже навеки своими святыми мощами пребывать в ней.

Пред началом строительства нового храма во имя Живоначальной Троицы на месте деревянного, освященного 25 сентября 1412 года, преподобный явился одному благочестивому мирянину и велел известить игумену и братии: «Зачем оставляете меня столько времени во гробе, землей покровенного, в воде, утесняющей тело мое?». И вот при строительстве собора, когда рыли рвы для фундамента, открыты и изнесены были нетленные мощи преподобного, и все увидели, что не только тело, но и одежды на нем были невредимы, хотя кругом гроба

действительно стояла вода. При большом стечении богомольцев и духовенства, в присутствии сына Димитрия Донского, князя Звенигородского Юрия Димитриевича, святые мощи были изнесены из земли и временно поставлены в деревянной Троицкой церкви (на том месте находится теперь церковь Сошествия Святого Духа). При освящении в 1426 году каменного Троицкого собора они были перенесены в него, где и пребывают доньше.

Все нити духовной жизни Русской Церкви сходятся к великому Радонежскому угоднику и чудотворцу, по всей православной Руси благодатные животворящие токи распространяются от основанной им Троицкой обители.

Почитание Святой Троицы в русской земле началось со святой равноапостольной Ольги, воздвигшей первый на Руси Троицкий храм в Пскове. Позже воздвигались такие храмы в Великом Новгороде и других городах.

Духовный вклад преподобного Сергия в богословское учение о Святой Троице особенно велик. Преподобный глубоко прозирал сокровенные тайны богословия «умными очами» подвижника – в молитвенном восхождении к Троицкому Богу, в опытном Богообщении и Богоуподоблении.

«Сонаследниками совершенного света и созерцания Пресвятой и Владычной Троицы, – изъяснял святой Григорий Богослов, – будут те, которые совершенно соединятся с совершенным Духом». Преподобный Сергей опытно познал тайну Живоначальной Троицы, потому что жизнью своей соединился с Богом, приобщился к самой жизни Божественной Троицы, т. е. достиг возможной на земле меры обожения, став «причастником Божеского естества». «Кто любит Меня, – сказал Господь, – тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим». Авва Сергей, во всем соблюдавший заповеди Христовы, относится к числу святых угодников, в душе которых «сотворила обитель» Святая Троица; он сам сделался «обителью Святой Троицы», и всех, с кем общался преподобный, он возводил и приобщал к Ней.

Радонежский подвижник, его ученики и собеседники обогатили Русскую и Вселенскую Церковь новым богословским и литургическим ведением и видением Живоначальной Троицы, Начала и Источника жизни, являющей Себя миру и человеку в соборности Церкви, братском единении и жертвенной искупительной любви ее пастырей и чад.

Духовным символом собирания Руси в единстве и любви, исторического подвига народа стал храм Живоначальной Троицы, воздвигнутый преподобным Сергием, «чтобы постоянным взиранием на Нее побеждался страх ненавистной розни мира сего».

Почитание Святой Троицы в формах, созданных и завещанных святым игуменом Радонежским, стало одной из наиболее глубоких и самобытных черт русской церковности. В Троице Живоначальной преподобным Сергием было указано не только святое совершенство вечной жизни, но и образец для жизни человеческой, духовный идеал, к которому должно стремиться человечество, потому что в Троице как Нераздельной осуждаются усобицы и благословляется соборность, а в Троице как Неслиянной осуждается иго и благословляется свобода. В учении преподобного Сергия о Пресвятой Троице русский народ глубоко чувствовал свое кафелическое, вселенское призвание, и, постигнув всемирное значение праздника, народ украсил его всем многообразием и богатством древнего национального обычая и народной поэзии. Весь духовный опыт и духовное устремление Русской Церкви воплотились в литургическом творчестве праздника Святой Троицы, троичских церковных обрядов, икон Святой Троицы, храмов и обителей Ее имени.

Претворением богословского ведения преподобного Сергия стала чудотворная икона Живоначальной Троицы преподобного Андрея Радонежского, прозванием Рублева, инока-иконописца, постриженника Троицкой Сергиевой обители, написанная по благословению преподобного Никона в похвалу святому авве Сергию. На Стоглавом соборе 1551 года эта икона

была утверждена в качестве образца для всей последующей церковной иконографии Пресвятой Троицы.

«Ненавистная рознь», раздоры и смятения мирской жизни преодолевались иноческим общежитием, насажденным преподобным Сергием по всей Руси. У людей не было бы разделения, раздоров и войн, если бы человеческая природа, созданная Творцом по образу Божественного Троиединства, не была искажена и раздроблена первородным грехом. Преодолевая своим сораспятием Спасителю грех osobности и разделения, отвергаясь «своего» и «себя», иноки-общежительники, по учению святого Василия Великого, восстанавливают первозданное единство и святость человеческой природы. Обитель преподобного Сергия стала для Русской Церкви образцом такого восстановления и возрождения, в ней воспитались святые иноки, пронесшие затем начертание истинного пути Христова в отдаленные пределы. Во всех своих трудах и деяниях преподобный Сергий и его ученики воцерковляли жизнь, давая народу живой пример возможности этого. Не отрекаясь от земного, но преображая его, они звали восходить и сами восходили к Небесному.

Школа преподобного Сергия через обители, основанные им, его учениками и учениками его учеников, охватывает все пространство Русской земли и проходит чрез всю дальнейшую историю Русской Церкви. Четвертая часть всех русских монастырей, твердынь веры, благочестия и просвещения, основана аввой Сергием и его учениками. «Игуменом Русской земли» назвал народ основателя Дома Живоначальной Троицы. Преподобные Никон и Михей Радонежские, Сильвестр Обнорский, Стефан Махрицкий и Авраамий Чухломский, Афанасий Серпуховской и Никита Боровский, Феодор Симоновский и Ферапонт Можайский, Андроник Московский и Савва Сторожевский, Димитрий Прилуцкий и Кирилл Белозерский – все они были ученики и собеседники «чудного старца» Сергия. Святители Алексей и Киприан, митрополиты Московские, Дионисий, архиепископ Суздальский, и Стефан, епископ Пермский, состояли с ним в духовном общении. Патриархи Константинопольские Каллист и Филофей писали к нему послания и посылали свое благословение. Чрез преподобных Никиту и Пафнутия Боровских идет духовная преемственность к преподобному Иосифу Волоцкому и дружине его учеников, чрез Кирилла Белозерского – к Нилу Сорскому, к Герману, Савватию и Зосиме Соловецким.

Церковь чтит и тех из учеников и сподвижников преподобного Сергия, память которых не отмечена в месяцеслове специально, под отдельным днем. Мы помним, что первым пришел к преподобному на Маковец старец Василий Сухой, названный так за его несравненное постничество. Вторым был инок Якута, т. е. Иаков, из простых крестьян, он безропотно долгие годы нес в обители хлопотное и трудное послушание рассыльного. Пришли, среди прочих учеников, к преподобному его земляки из Радонежа диакон Онисим с сыном Елисеем. Когда собралось 12 иноков и построенные келии обнесены были высокой оградой, диакона Онисима авва назначил привратником, потому что келия его была крайняя от входа в обитель. Под сенью святой Троицкой обители провел свои последние годы игумен Митрофан, тот самый, кто постриг когда-то преподобного Сергия в ангельский образ и наставил в иноческих подвигах. Могила умершего вскоре блаженного старца Митрофана стала первой на монастырском кладбище. В 1357 году пришел в обитель из Смоленска архимандрит Симон, оставив почетную должность настоятеля в одном из смоленских монастырей ради того, чтобы стать простым послушником у богоносного Радонежского игумена. В награду за великое смирение Господь сподобил его быть участником дивного видения преподобного Сергия о будущем умножении его иноческого стада. По благословию святого аввы принял на себя подвиг молитвенного безмолвия блаженный старец Исаакий Молчальник, чье молчание для иноков и внешних было поучительнее всяких слов. Лишь один раз за годы безмолвия отверз уста преподобный Исаакий – чтобы свидетельствовать, как виденный им ангел Божий сослужил в алтаре преподобному Сергию, совершившему Божественную литургию. Очевидцем благодати Святого Духа, содействовавшей препо-

добному, был также еkkлисиарх Симон, который видел однажды, как Небесный огонь сошел на Святые Тайны и угодник Божий «причастился огня неопально». Старца Епифания, бывшего позже, при игумене Никоне, духовником Сергиева стада, Церковь называет Премудрым за высокую ученость и великие духовные дарования. Он известен как составитель житий преподобного Сергия и его собеседника святителя Стефана Пермского, похвальных слов им, а также «Слова о жизни и преставлении великого князя Димитрия Донского». Житие преподобного Сергия, составленное Епифанием через 26 лет по кончине преподобного, т. е. в 1418 году, было затем переработано прибывшим с Афона иноком агиографом Пахомием Сербом, прозванным Логофетом.

К преподобному Сергию, как к неиссякаемому источнику молитвенного духа и благодати Господней, во все времена шли на поклонение – для назидания и молитвы, за помощью и исцелением – тысячи народа. И каждого из прибегающих с верой к его чудотворным мощам он исцеляет и возрождает, исполняет силы и веры, преобразует и возводит к своей светоносной духовности.

Но не только духовные дары и благодатные исцеления подаются всем, приходящим с верою к мощам преподобного, но ему дана также от Бога благодать защищать от врагов Русскую землю. Своими молитвами преподобный был с воинством Димитрия Донского на Куликовом поле; он благословил на ратный подвиг своих постриженников – иноков Александра Пересвета и Андрея Ослябя. Он указал Иоанну Грозному место для сооружения крепости Свияжска и помогал в победе над Казанью. Во время польского нашествия преподобный Сергей явился во сне нижегородскому гражданину Козьме Минину, повелевая собирать казну и вооружать войско для освобождения Москвы и Русского государства. И когда в 1612 году ополчение Минина и Пожарского после молебна у Святой Троицы двинулось к Москве, благодатный ветер развеивал православные стяги, «яко от гроба самого чудотворца Сергия».

К периоду Смутного времени и польского нашествия относится героическое «Троицкое сидение», когда многие иноки по благословению преподобного игумена Дионисия повторили священный ратный подвиг Сергиевых учеников Пересвета и Осляби. Полтора года – с 23 сентября 1608 г. по 12 января 1610 года – осаждали поляки обитель Живоначальной Троицы, желая разграбить и разрушить этот священный оплот православия. Но заступлением Пречистой Богородицы и молитвами преподобного Сергия, «со многим стыдом» бежали наконец от стен монастыря, гонимые Божиим гневом, а вскоре и сам предводитель их, Лисовский, погиб лютой смертью как раз в день памяти преподобного, 25 сентября 1617 года. В 1618 году приходил к стенам Святой Троицы сам польский королевич Владислав, но, бессильный против охраняющей обитель благодати Господней, вынужден был подписать перемирие с Россией в принадлежавшем монастырю селе Деулине. Позже здесь был воздвигнут храм во имя преподобного Сергия.

В 1619 году посетил лавру приехавший в Россию Иерусалимский патриарх Феофан. Он в особенности пожелал видеть тех иноков, которые в годину военной опасности дерзнули возложить на себя поверх иноческих одеяний боевые кольчуги и с оружием в руках встали на стенах святой обители, отражая неприятеля. Преподобный Дионисий, игумен, возглавлявший оборону, представил патриарху более двадцати иноков.

Первым из них был Афанасий (Ошерин), самых преклонных лет, до желтизны седой старец. Патриарх спросил его: «Ты ли ходил на войну и начальствовал над воинами?» Старец ответил: «Да, Владыко святой, понужден был кровавыми слезами». – «Что же свойственнее иноку – молитвенное уединение или воинские подвиги пред людьми?» Блаженный Афанасий, поклонясь, отвечал: «Всякая вещь и всякое дело познается в свое время. Вот подпись латинян на голове моей, от оружия. Еще шесть памятей свинцовых в моем теле. В келии сидя, в молитвах, разве смог бы я обрести таких побудителей к воздыханию и стенанию? А было все это не нашим изволением, но по благословению пославших нас на Божию службу». Тронутый

мудрым ответом смиренного инокa, патриарх благословил и поцеловал его. Он благословил и остальных монахов-воинов и выразил одобрение всему братству лавры преподобного Сергия.

Подвиг обители в тяжелое для всего народа Смутное время описан келарем Авраамием (Палицыным) в «Сказании о событиях Смутного времени» и келарем Симоном Азарьиным в двух агиографических сочинениях: «Книге о чудесах преподобного Сергия» и «Житии преподобного Дионисия Радонежского». В 1650 году Симеоном Шаховским был составлен акафист преподобному Сергию, как «взбранному воеводе» Русской земли, в память об избавлении Троицкой обители от вражеского обстояния. Другой существующий акафист преподобному был составлен в XVIII веке, автором его считают митрополита Московского Платона.

В последующее время обитель продолжала быть неоскудевающим светочем духовной жизни и церковного просвещения. Из ее братии избирались на чреду служения многие прославленные иерархи Русской Церкви. В 1744 году обитель за заслуги перед Родиной и верой стала именоваться лаврой. В 1742 году в ее ограде учреждена духовная семинария, в 1814 году сюда была переведена Московская духовная академия.

И ныне Дом Живоначальной Троицы служит одним из главных благодатных центров Русской Православной Церкви. Здесь изволением Святого Духа совершаются деяния Поместных Соборов Русской Церкви. Пятое июля, день обретения мощей святого аввы Сергия, игумена Русской земли – самое многолюдное и торжественное церковное празднество в обители.

Житие Сергия Радонежского, написанное Епифанием Премудрым

Собрание творений преподобного Епифания Премудрого: «Житие преподобного Сергия», «Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего в Перми епископа», «Письмо к Кириллу Тверскому». Три великих текста о трех великих людях (с каждым из которых Епифаний был знаком лично): Сергии Радонежском, Стефане Пермском, Феофане Греке. Творения Епифания Премудрого – вершина древнерусской литературы.

Значимость написанных Епифанием Премудрым житий заключается в том, что они – свидетельства очевидца. Епифаний был учеником обоих своих «героев» – и Стефана, и Сергия.

«Житие Сергия» не дошло до нас в первоначальном виде: в середине XV века житие, вышедшее из-под пера Епифания, было переработано официальным агиографом Пахомием Логофетом.

[Текст Жития приводится по изданию: «Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия-чудотворца и похвальное ему слово, написанные учеником его Епифанием Премудрым в XV веке. Сообщил архимандрит Леонид». Памятники древней письменности и искусства, т. 58. СПб., 1885.]

Слава Богу за все и за всяческие дела, за которые всегда прославляется великое и трисвятое имя, которое и вечно прославляемо! Слава Богу вышнему, в Троице славимому, который упование, свет и жизнь наша, в которого мы веруем, ради которого мы крестились, им мы живем, и движемся, и существуем! Слава показавшему нам жизнь мужа святого и старца духовного! Ведь Господь знает, как прославлять славящих его и благословлять благословляющих его, и он всегда прославляет своих угодников, славящих его жизнью чистой, и богоугодной, и добродетельной.

Благодарим Бога за великую его благость, сошедшую на нас, как сказал апостол: «Благодарность Богу за неизреченный его дар!» Ныне же мы должны особенно благодарить Бога за то, что даровал он нам такого старца святого, – говорю о господине преподобном Сергии, – в земле нашей Русской, в стране нашей полунощной, в дни наши, в последние времена и годы. Гроб его находится у нас и перед нами, и, приходя к нему с верой всегда, великое утешение душам нашим мы получаем и большую пользу; воистину великий это нам от Бога дар дарован.

Удивляюсь я тому, сколько лет минуло, а житие Сергия не написано. И охватила меня великая печаль, что с тех пор, как умер святой старец, чудесный и предобрый, уже двадцать шесть лет прошло, и никто не дерзнул написать о нем, – ни далекие ему люди, ни близкие, ни великие люди, ни простые: известные не хотели писать, а простые не смели. Через один или два года после смерти старца я, окаянный и дерзкий, дерзнул сделать это. Вздохнув пред Богом и имя старца призвав в молитве, начал я подробно кое-что записывать о жизни старца, себе втайне говоря: «Я не возношусь ни перед кем, но для себя пишу, про запас, и на память, и для пользы». Были у меня за двадцать лет приготовлены с записями свитки, в которых написаны были некоторые главы о жизни старца для памяти: кое-что в свитках, кое-что в тетрадах, хотя и не по порядку, начало в конце, а конец в начале.

Так я ждал в то время и в те годы, желая, чтобы кто-нибудь значительнее меня и разумнее меня написал, а я бы пошел поклониться ему, чтобы и меня он поучил и вразумил. Но, расспросив, я услышал и узнал точно, что никто нигде так и не собрался писать о нем; и когда я вспомню или услышу об этом, то думаю и размышляю: почему такая тихая, и чудесная, и добродетельная жизнь его оставалась не описанной столь долгое время? Пребывал я несколько лет

как бы в безделье и в размышлении, погружаясь в недоумение, в печали скорбя, умом удивляясь, желанием обуреваем. И объяло меня страстное желание хотя бы как-то начать писать, пусть небольшое из многого, о жизни преподобного старца.

И нашел я неких старцев, премудрых в ответах, рассудительных и разумных, и расспросил я о Сергии, чтобы они успокоили мое желание, и спросил у них, следует ли мне писать. Они же в ответ сказали: «Насколько плохо и насколько не подобает о жизни нечестивых спрашивать, настолько не подобает жизнь святых мужей забывать, и не описывать, и молчанию предавать, и в забвении оставлять. Если мужа святого житие написано будет, то от этого будет польза большая вместе с утешением писателям, рассказчикам, слушателям; если же старца святого житие не написано будет, а знавшие и помнившие его умрут, то зачем такую полезную вещь оставлять в забвении и, как пучине, молчанию предать? Если не будет написано житие его, то как узнать не знавшим и не ведавшим его, каков он был, или откуда происходил, как родился, и как вырос, и как постригся, и как воздержанно существовал, и как он жил, и каков был конец жизни его? Если же будет написано житие, то, услышав о нем, кто-нибудь последует примеру жизни Сергия и от этого пользу получит. Ведь пишет Великий Василий: “Будь подражателем праведно живущим и их жизнь и деяния запечатлей в сердце своем”. Видишь, как повелевает он жития святых писать – не только на пергамене, но и в сердце своем пользы ради, а не скрывать и не таить: ведь тайну цареву следует хранить, а дела Божьи проповедовать – дело доброе и полезное».

И поэтому пришлось мне допытываться и расспрашивать древних старцев, хорошо сведущих, поистине знающих жизнь его, как говорит святое Писание: «Спроси отца твоего, и он возвестит тебе, и старцев твоих, и они скажут тебе». Все, что я услышал и узнал, – отцы сказали мне, кое-что от старцев слышал, и кое-что своими глазами видел, и кое-что из уст самого Сергия слышал, и кое-что узнал от человека, прислуживавшего ему немалое время и лившего воду на руки его, и кое-что еще слышал от брата его старшего Стефана, который был родным отцом Федора, архиепископа ростовского; иные же вещи я узнал от других старцев древних, достоверных очевидцев рождения его, и воспитания, и обучения грамоте, возмужания его, и юности до самого пострижения его; а другие старцы были очевидцами и свидетелями правдивыми и пострижения его, и начала пустынножительства его, и поставления его на игуменство; а о других событиях у меня были другие повествователи и рассказчики.

Но на множество трудов старца и великих дел его взирая, я был как бы безгласен и безделен, находясь в недоумении от ужаса, не находя слов нужных, достойных деяний его. Как могу я, бедный, в нынешнее время все житие Сергия по порядку написать, и о многих делах его и бесчисленных трудах его рассказать? Откуда начну, чтобы по достоинству обо всех деяниях его и подвигах рассказать слушателям? Или что подобает прежде всего вспомнить? Или какие слова нужны для похвалы ему? Где найду мудрость, нужную для этого рассказа? Как такую, трудно передаваемую повесть расскажу, не знаю, – не будет ли это свыше моих сил? Как не может маленькая лодка удержать большой и тяжкий груз, так не может вынести наше бессилие и ум этого рассказа.

Хотя и свыше наших сил этот рассказ, но мы все же молимся все милостивому и всемогущему Богу и пречистой его Матери, чтобы он вразумил и помиловал меня, грубого и неразумного, чтобы он дал мне дар слова, который раскроет уста мои, – не ради меня, недостойного, но ради молитв святых старцев. И самого этого Сергия я призываю на помощь, и осеняющую его духовную благодать, чтобы он был мне помощником и поддержкой в рассказе, а также его стадо, призванное Богом, благое общество, собрание честных старцев. К ним я со смирением припадаю, и касаюсь их ног, и на молитву их призываю и побуждаю. Ведь очень в их молитвах я всегда нуждаюсь, особенно же сейчас, когда я начинаю это начинание и стремлюсь повесть эту рассказать. И пусть никто не осуждает меня, дерзающего на это: я сам не имел бы возможности

и сил начать писать, но любовь и молитва преподобного старца влечет и томит мои помыслы и принуждает рассказывать и писать.

Следует яснее сказать, что хотя бы я, недостойный, и мог писать, но мне все же следовало бы со страхом молчать и на уста свои перст наложить, зная свою немощь, а не произносить устами слова, какие не подобает, и не следовало бы дерзать на дело, которое выше сил моих. Но все же печаль отягощает меня, и жалость охватила меня: жизнь такого великого старца святого, знаменитого и прославленного, всюду известна – и в дальних странах, и в городах об этом муже, известном и славном, все рассказывают – и за столько лет житие его не было составлено и написано. Я думал это молчанию предать, как будто в пучину забвения погрузить. Если не будет написано житие старца и оставлено без воспоминания, то не повредит это святому тому старцу, если не останется у нас воспоминаний и писаний о нем: ведь тем, имена которых на небесах Богом написаны, нет надобности в писаниях и воспоминаниях людских. Но мы сами тогда пользы не получим, пренебрегши таким полезным делом. И поэтому, все собрав, начинаем писать, чтобы и остальные монахи, которые не видели старца, прочли этот рассказ и последовали добродетели старца и поверили в его жизнь; ведь сказано: «Блаженны не видевшие и уверовавшие». Более других одна печаль сокрушает меня и обуревает меня: если я не напишу и никто другой не напишет жития, то боюсь быть осужденным согласно притче о рабе ленивом, скрывшем талант и обленившемся. Ведь добродетельный старец Сергей, чудесный страстотерпец, без лени всегда в подвигах добрых пребывал и никогда не ленился; мы же не только не стремимся к подвигам, но даже об известных чужих трудах, которыми славна жизнь Сергия, ленимся сообщить в повести, рассказать об этом слушателям.

Теперь же, если Бог поможет, хочу уже приступить к рассказу, начиная от рождения Сергия, и поведать о его младенчестве, и детстве, и юности, и об иноческой жизни его, и об игуменстве, и до самой кончины его, чтобы не забыты были великие деяния его, чтобы не забыта была жизнь его, чистая, и тихая, и богоугодная. Но сомневаюсь, боюсь приступить к написанию повести, не смею и недоумеваю, как начать писать, ведь свыше сил моих дело это, ведь я немощен, и груб, и неразумен.

Но, однако, надеюсь на милосердного Бога и на молитву угодника его, преподобного старца, и у Бога прошу милости, и благодати, и дара слова, и разума, и памяти. И если Бог даст мне это, и вразумит меня, и научит меня, своего раба недостойного, то не отчаиваюсь я получить милость его благодать и благодать его сладостную. Ведь он может творить все, что хочет, может даровать слепым прозрение, хромым исцеление, глухим слух, немым речь. Так и мое помрачение ума он может просветить, и мое неразумие поправить, и мое неумение умением сделать во имя Господа нашего Иисуса Христа, сказавшего: «Без меня вы не можете ничего сделать; ищите и найдете, просите и получите». Господа Бога, Спаса и помощника на помощь призываю: он есть Бог наш, великодатель, подающий благо, дарователь богатых даров, наставник в премудрости и дающий разум, неученым учитель, учащий людей разуму, дающий умение неумеющим, дающий молитву молящемуся, дающий просящему мудрость и разум, дающий всякое дарование благое, дающий дар на пользу просящим, дающий незлобивым хитрость и отроку юному чувство и ум, произнесение же слов его просвещает и разум дает младенцам.

Здесь кончаю предисловие, Бога вспомнив и на помощь призвав его: хорошо с Богом начать дело, и с Богом кончить его, и с Божьими рабами беседовать, и о Божьем угоднике повесть писать. Начнем уже самое главное, возьмемся за повествование, чтобы приступить к началу рассказа; и вот уже о жизни старца с Божьей помощью начинаем писать так.

Начало жития Сергия

Благослови, Отче! Преподобный отец наш Сергей родился от родителей благородных и благоверных: от отца, которого звали Кириллом, и матери, по имени Мария, которые были Божьи угодники, правдивые перед Богом и перед людьми, и всякими добродетелями полны и украшены, что Бог любит. Не допустил Бог, чтобы такой младенец, который должен был воссиять, родился от неправедных родителей. Но сначала создал Бог и предуготовил таких праведных родителей его и потом от них произвел своего угодника. О достохвальная чета! О добрейшие супруги, бывшие такому младенцу родителями! Сначала подобает почтить и похвалить родителей его, и это неким добавлением будет к похвалам и почестям ему. Ведь нужно было, чтобы дарован был Сергей Богом многим людям для блага, для спасения и для пользы, и поэтому не пристало такому младенцу от неправедных родиться родителей, и другим, то есть неправедным родителям, не пристало бы родить это дитя. Только тем избранным родителям Бог его даровал, что и случилось: соединилось добро с добром и лучшее с лучшим.

И свершилось некое чудо до рождения его: случилось нечто такое, что нельзя молчанию предать. Когда ребенок еще был в утробе матери, однажды – дело было в воскресенье – мать его вошла в церковь, как обычно, во время пения святой литургии. И стояла она с другими женщинами в притворе, а когда должны были приступить к чтению святого Евангелия и все люди стояли молча, тогда внезапно младенец начал кричать в утробе матери, так что многие ужаснулись от этого крика – преславного чуда, совершившегося с этим младенцем. И вот снова, перед тем как начали петь херувимскую песнь, то есть «Иже херувим», внезапно младенец начал вторично громко кричать в утробе, громче, чем в первый раз, так что по всей церкви разнесся голос его, так что и сама мать его в ужасе стояла, и женщины, бывшие там, недоумевали про себя и говорили: «Что же будет с этим младенцем?» Когда же иерей возгласил: «Вонмем, святая святым!» – младенец снова, в третий раз, громко закричал.

Мать же его чуть на землю не упала от сильного страха и, ужаснувшись, в великом трепете, начала тихо плакать. Остальные же благоверные женщины подошли к ней, стали спрашивать ее, говоря: «Что это – не ребенок ли у тебя за пазухой в пеленках, а мы его детский крик слышали, раздававшийся по всей церкви?» Она же в растерянности из-за обильных слез не могла ничего им сказать, но только ответила: «Ищите, – сказала она, – в другом месте, а у меня нет ребенка». Они же допытывались, спрашивая друг друга, и искали, и не нашли. Снова они обратились к ней, говоря: «Мы по всей церкви искали и не нашли младенца. Кто же тот младенец, который кричал?» Мать же его, не в силах утаить того, что произошло и о чем они спрашивали, ответила им: «Младенца за пазухой у меня нет, как вы думаете, но в утробе у меня ребенок, еще не родившийся. Он и кричал». Женщины же сказали ей: «Как может быть дарован голос до рождения младенцу, еще находящемуся в утробе?» Она же ответила: «Я тому и сама удивляюсь, вся объята страхом, трепещу, не понимая случившегося».

И женщины, вздыхая и бия себя в грудь, возвращались каждая на свое место, так говоря про себя: «Что же это будет за ребенок? Да будет с ним воля Господня». Мужчины же в церкви, все это слышавшие и видевшие, в ужасе стояли молча, пока иерей совершил святую литургию, снял ризы свои и отпустил людей. И разошлись все восвояси; и страшно было всем, слышавшим это.

Мария же, мать его, с того дня, когда было это знамение и происшествие, с тех пор пребывала благополучно до родов и носила младенца в утробе как некое бесценное сокровище, и как драгоценный камень, и как чудесный жемчуг, и как сосуд избранный. И когда в себе ребенка носила и была им беременна, тогда она себя блюла от всякой скверны и от всякой нечистоты, постом ограждала себя, и всякой пищи скоромной избегала, и мяса, и молока, и рыбы не ела, лишь хлебом, и овощами, и водой питалась. От пьянства совершенно воздерживалась.

ввалась, а вместо различных напитков одну только воду, и ту понемногу, пила. Часто же втайне наедине вздыхая, со слезами молилась Богу, так говоря: «Господи! Спаси меня, соблюди меня, убогую рабу твою, и младенца этого, которого ношу я в утробе моей, спаси и сохрани! Ты, Господи, охраняющий младенца, – да будет воля твоя, Господи! И да будет имя твое благословенно во веки веков! Аминь!»

И делая так, жила она до самого рождения ребенка; усердно постилась и молилась, так что само зачатие и рождение ребенка произошли в посте и молитве. Была она добродетельна и весьма богобоязненна, так как уже до рождения ребенка поняла и уразумела такое знамение и явление, достойное удивления. И советовалась она с мужем своим, говоря так: «Если родится у нас мальчик, дадим обет принести его в церковь и отдать его благодетелю всех Богу»; что и сбылось. О вера славная! О любовь благая! Еще до рождения ребенка обещали родители привести его и отдать дарователю благ Богу, как в древности сделала Анна-пророчица, мать Самуила-пророка.

Когда настал срок родов, родила она своего младенца. И, весьма радостно рождение его встретив, родители позвали к себе родных, и друзей, и соседей, и предались веселью, славя и благодаря Бога, давшего им такое дитя. После рождения его, когда в пеленки был завернут младенец, нужно было к груди его приносить. Но когда случалось, что его мать ела некую мясную пищу, которой она насыщала и наполняла свою плоть, тогда младенец никак не хотел грудь брать. И это случалось не один раз, но иногда день, иногда два дня ребенок не ел. Поэтому страх вместе со скорбью овладевал родившей младенца и родственниками ее. И с трудом они поняли, что не хочет младенец пить молоко, когда мясом питается кормящая его, но согласен пить, только если она не будет разрешаться от поста. И с той поры мать воздерживалась и постилась, и с тех пор младенец стал всегда, как должно, кормиться.

И пришел день исполнения обета его матери: после шести недель, то есть когда наступил сороковой день после рождения его, родители принесли ребенка в церковь Божью, отдавая то, что получили от Бога, поскольку они обещали отдать ребенка Богу, даровавшему его; к тому же иерей повелевал, чтобы ребенок получил крещение божественное. Иерей же, приготовив ребенка к таинству и много молитв сотворив над ним, с радостью духовной и старанием окрестил его во имя Отца, и Сына, и Святого Духа – именем Варфоломей в святом крещении назвав его. Он вынул ребенка, принявшего обильно благодать Святого Духа, из купели, и почувствовал иерей, осененный духом Божиим, понял, что сосудом избранным будет этот младенец.

Отец его и мать хорошо знали Святое писание, и рассказали они иерею, как их сын, еще находившийся в утробе матери, в церкви три раза прокричал: «Не знаем мы, что означает это». Иерей же, по имени Михаил, разбирающийся в книгах, поведал им из Божественного писания, из обоих законов, Ветхого и Нового, и сказал так: «Давид в Псалтыри сказал, что: “Зародыш мой видели очи твои”; и сам Господь святыми своими устами ученикам своим сказал: “Потому что вы с самого начала со мною”. Там, в Ветхом завете, Иеремия-пророк в чреве матери освятился; а здесь, в Новом завете, Павел-апостол восклицает: “Бог, отец

Господа нашего Иисуса Христа, воззавший меня из чрева матери, чтобы открыть сына своего во мне, чтобы я благовествовал его в странах”». И много других вещей поведал иерей родителям из Святого писания. О младенце же сказал родителям: «Не скорбите о нем, но, напротив, радуйтесь и веселитесь, ибо будет ребенок сосуд избранный Бога, обитель и слуга Святой Троицы»; что и сбылось. И вот, благословив дитя и родителей его, он отпустил их домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.